

Кристина Маслак

ВЗГЛЯД СТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ НА ОБОРОТНУЮ СТОРОНУ СТЭНФОРДСКОГО ТЮРЕМНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Моя роль в Стэнфордском тюремном эксперименте

В августе 1971 года я только что защитила диссертацию в Стэнфордском университете, где вместе со мной учился Крэг Хэйни, и готовилась к началу работы преподавателя психологии в Университете Беркли в Калифорнии в должности ассистента профессора. Также я должна упомянуть об одном существенном факте, имевшем место на фоне описываемых событий. Незадолго до этого у нас с Филом Зимбардо начали развиваться романтические отношения, и мы даже думали о возможности вступления в брак. И хотя я слышала от Фила и других коллег о планируемом тюремном эксперименте, я не принимала участия ни в подготовительной работе, ни в начальных этапах его проведения. При другом стечении обстоятельств я была бы более заинтересована и, возможно, приняла бы какое-то участие в этом эксперименте, но тогда все мое внимание было сосредоточено на подготовке к началу преподавательской деятельности. Тем не менее, когда Фил попросил меня оказать ему услугу и помочь провести несколько собеседований с участниками исследования, я согласилась. Собеседования должны были проходить в пятницу, почти через неделю после начала эксперимента, с целью дать оценку тому, какое субъективное воздействие испытывали надзиратели и заключенные. Я приехала в Пало-Альто в четверг вечером, чтобы посетить «тюрьму» и понять, что там происходит.

Спустившись по ступенькам в подвал, где находилась тюрьма, я осмотрела двор из наблюдательного пункта в конце коридора (там была встроена видеокамера). С этой точки наблюдения я не заметила ничего особенного. Я прошла в другой конец коридора, откуда надзиратели выходили во двор. Там, за пределами двора, находилась комната отдыха надзирателей. Я поговорила с одним из тюремщиков, который ожидал начала своей смены. Он оказался очень вежливым и доброжелательным человеком, которого, безусловно, любой посчитал бы очень приятным мужчиной.

Позже кто-то из сотрудников напомнил мне, что я должна вновь заглянуть во двор, потому что начиналась самая поздняя ночная смена, и это была смена пресловутого Джона Уэйна. Джон Уэйн – прозвище одного надзирателя, который слыл самым злым и жестоким из всех; до этого я много слышала о его репутации из разных источников. Конечно, мне не терпелось увидеть, что это за человек и что же он делал такого особенного, что привлекало к нему столько внимания. Когда я посмотрела из наблюдательного пункта, то была абсолютно потрясена, увидев, что этим Джо-

ном Уэйном является тот самый «очень приятный человек», с которым я недавно разговаривала. Только теперь это был некто другой. Он не только двигался по-другому, но даже говорил по-другому – с южным акцентом (как я узнала позже, он придумал для себя эту роль, подражая какому-то персонажу из фильма о тюрьме). Он кричал и осыпал ругательствами заключенных, заставлял их проходить «перекличку», изоощряясь в грубости и агрессивности. Эта перемена, произошедшая с только что разговаривавшим со мной человеком, была просто невероятна – стоило ему лишь переступить границу между внешним миром и тюремным двором. В своей военной униформе, с дубинкой в руках, в темных зеркальных солнечных очках, скрывавших его глаза (идея, взятая Филом из фильма «Люк Холодная Рука»), этот парень выглядел эдаким энергичным, знающим свое дело и очень жестоким тюремным надзирателем.

Примерно в 11 часов вечера, перед отбоем, заключенных повели в туалет. Туалет находился за пределами тюремного двора, и это представляло некоторую проблему для исследователей, которые хотели, чтобы заключенные находились в «тюрьме» все 24 часа в сутки (так же, как и в настоящей тюрьме). Они не хотели, чтобы заключенные видели кого-либо или что-либо по ту сторону, так как это нарушило бы полностью имитирующую тюрьму обстановку, которую они так старательно создавали. По сложившемуся обычаю при посещении туалета на головы заключенных надевали бумажные пакеты, чтобы они ничего не могли видеть, сковывали их цепями в одну линию и вели по коридору, обводили вокруг, затем заводили в туалет и уводили обратно. Это также давало заключенным иллюзию того, что двор находится на большом расстоянии от туалета, на самом же деле он находился в коридоре в углу.

Когда в тот вечер в четверг началась процедура посещения туалета, Фил с взволнованным видом попросил меня оторваться от рапорта, который я читала в тот момент, воскликнув: «Быстрее, быстрее, посмотри, что там происходит сейчас!» Я взглянула на заключенных с мешками на голове, закованных в цепи, шаркающей походкой направлявшихся в туалет; на них кричали надзиратели, отдавая различные приказы, – и тут же отвела свой взгляд. Меня переполняло какое-то сковывающее, отвратительное чувство. «Ты видишь? Ну посмотри же, это же так интересно!» Я была не в силах вновь взглянуть туда и резко ответила: «Я уже видела это!» В ответ от Фила (и других сотрудников) последовала тирада: да что же такое со мной происходит? Вот здесь, на наших глазах, раскрываются удивительные аспекты человеческого поведения, а я, психолог, даже не в состоянии на это взглянуть? Они не могли поверить, что я могу так среагировать; возможно, они объясняли мою реакцию отсутствием у меня достаточного интереса к эксперименту. Их комментарии и поддразнивания заставили меня почувствовать себя глупой: женщина, не вписавшаяся в этот мужской мирок, и это вдобавок к тому, что у меня возникло гнетущее чувство при виде этих несчастных ребят, подвергавшихся ужасным унижениям.

Позже, когда мы покинули здание тюрьмы, Фил спросил меня, что я думаю об этом исследовании. Я уверена, он ожидал что-то вроде серьез-

ной интеллектуальной дискуссии об исследовании и анализа моих наблюдений. Но вместо этого на него выплеснулась целая волна невероятных по своей силе эмоций (хотя я в общем-то достаточно сдержанный человек). Я была возмущена, напугана и не могла сдержать слез. Я сказала что-то вроде: «То, что вы вытворяете с этими ребятами, чудовищно!». Далее между нами разгорелся жаркий спор. Это напугало меня особенно, потому что Фил показался таким не похожим на того человека, которого, как мне казалось, я знала достаточно хорошо, – человека, который так любил студентов и заботился о них, что это уже стало легендой университета. Это был не тот человек, которого я полюбила – мягкого, чувствительного к нуждам других и, конечно, моим. Прежде мы никогда так сильно не ссорились. Вместо того чтобы быть рядом, плечом к плечу, мы как будто оказались по разные стороны глубокой пропасти. И эта перемена в Филе (так же, как и во мне) и возникшая угроза разрыва наших отношений во многом были неожиданными и шокирующими. Я не помню, как долго продлился наш спор, но мне казалось, что это было очень долго и очень болезненно.

Но я уверена, что после этого Фил обдумал все, что я ему сказала. Он попросил у меня прощения и начал осознавать, что произошло с ним и всеми остальными в этом исследовании: у них выработался определенный набор деструктивных тюремных ценностей, которые отдалили их от своих собственных человеческих ценностей. В этот момент он на правах человека, который создал эту тюрьму и потому нес главную ответственность, принял решение остановить эксперимент. Однако было уже далеко за полночь, поэтому он решил сделать это следующим утром, после того, как свяжется со всеми ранее освобожденными заключенными и созовет тюремщиков всех смен для общего итогового собрания с участием надзирателей, заключенных и всех остальных. Огромный камень свалился с его плеч, с моих плеч и укрепил наши личные отношения (10 августа 1997 года мы отметили 25-летнюю годовщину нашей свадьбы).

Важные уроки: несогласие, неподчинение и вызов системе

Итак, какие важные выводы можно сделать, исходя из моей роли «Терминатора» (той, которая положила этому конец) в Стэнфордском тюремном эксперименте? Думаю, есть несколько моментов, которые я хотела бы отметить.

Но сначала позвольте сказать, чем эта история не является. В противовес стандартному и банальному американскому мифу Стэнфордский тюремный эксперимент – это не история об одинокой личности, которая бросает вызов большинству. Это скорее история о большинстве: о том, как все, кто был тем или иным образом причастен к эксперименту (участники, исследователи, наблюдатели, консультанты, члены семьи и друзья), оказались полностью поглощенными ситуацией. Влияние обстоятельств, которое оказывается сильнее личности и ее лучших намерений, – вот что проходит красной нитью через всю эту историю.

Но почему моя реакция отличалась так сильно? Ответ, как мне кажется, связан с двумя факторами: я оказалась в этой ситуации позже других

и я была «аутсайдером». В отличие от остальных, я не была участником и сторонником этого исследования и не испытывала на себе силу влияния различных его проявлений. В отличие от остальных, у меня не было четкой социальной роли в этом тюремном контексте. В отличие от остальных, я не находилась там каждый день и не подвергалась влиянию, которое оказывала на других ситуация, ее изменение и постепенное обострение. Таким образом, ситуация, в которой я оказалась в конце недели, отличалась от той, в которой находились все участники эксперимента, – у меня не было их опыта проживания в обстоятельствах и их видения перспективы развития событий. Для них эта ситуация все еще находилась в рамках нормы, для меня же это был сумасшедший дом.

Моя реакция (то, что происходит, – полное безумие и наносит непоправимый вред) была похожа на реакцию заключенного 416, который включился в эксперимент позже других, в среду, в качестве замены освобожденного заключенного 8612. Для вновь пришедшего эта ситуация также показалась сумасшедшим домом. Позже он сказал: «Для меня это была тюрьма. Я не отношусь к ней как к эксперименту или имитации. Это была тюрьма, которой вместо государства руководили психологи». Заключенный 416 решил сопротивляться сильному давлению, которое на него оказывали надзиратели и другие заключенные, объявив голодовку в знак протеста. Он верил, что его бунт послужит катализатором для возобновления сплоченности между заключенными и оппозицией против надзирателей или, если это не получится, его физическое состояние ухудшится и его будут вынуждены освободить. Он ошибся, было уже слишком поздно (а прошло всего-то четыре дня) пытаться вырвать других заключенных из зомбированного подчинения порядку тюрьмы. Вместо того чтобы стать дерзким героем, поднявшим всех на борьбу с жестокостью тюремщиков и садизмом Джонов Уэйнов, он оказался всего лишь не поддерживаемым никем нарушителем порядка, над которым издевались заключенные, презиравшие его за то, что он съел свою баланду. Заключенный 416 вскоре перестал быть аутсайдером, поскольку он попытался действовать в рамках установленных правил, вписав в сценарий новую уникальную роль мятежного заключенного, в то время как я была аутсайдером без какой-либо четкой роли в тот важный вечер моего появления на сцене.

Стала бы я так громко протестовать, будь я в этой исследовательской команде? Смогла бы я противостоять власти, которую представлял Фил, если бы все еще была студенткой, зависящей от его благорасположения, и не чувствовала бы свою независимость в новом статусе преподавателя? Взволновало ли бы это меня в такой степени, что я бросила вызов ему и всему его исследовательскому коллективу, если бы до этого у меня с ним не было личных отношений, которые позволили мне увидеть, как сильно он изменился под влиянием своей собственной роли в этой драме? Я просто не знаю. Я хочу надеяться, что все равно бы вела себя, исходя из тех же этических принципов, но сейчас, оглядываясь назад, я не могу утверждать это с полной уверенностью.

Анализ моей реакции представляет интерес в свете исследования подчинения авторитету Милгрэма. В этих экспериментах меня всегда

поражало несоответствие несогласия и подчинения. Хотя многие участники были не согласны, говоря, что они не хотят подвергаться электрическому шоку ученика, лишь меньшинство из них на самом деле не подчинились и перестали нажимать на кнопку, подающие разряды. То, что было выражено на словах, часто не проявлялось в реальных поступках. В СТЭ наблюдались различные виды несогласия, а именно несогласия заключенных и надзирателей по поводу того, что происходило в стенах тюрьмы. Но неподчинение было редким явлением. Первый случай был связан с мятежом заключенных, но он быстро был подавлен тюремщиками, и далее неподчинение так и не проявлялось до тех пор, пока заключенный 416 не объявил одиночную голодовку. В случае с заключенным 416 неповиновение означало отказ следовать правилам в данной ситуации. Но это неповиновение в конечном счете не изменило ситуацию – более того, привело к противоположному результату, еще больше испортив взаимоотношения в тюрьме. Надзиратели натравили других заключенных на заключенного 416, поставив их перед выбором: либо они отдают свои постельные принадлежности в обмен на то, чтобы заключенный 416 был освобожден из одиночной камеры, либо они оставляют у себя свои одеяла и подушки, а заключенный 416 проведет всю ночь в карцере. Печально констатировать, что большинство заключенных – его товарищей – сделали выбор в пользу того, чтобы оставить его в карцере.

Будучи аутсайдером, я не выбирала каких-то определенных социальных ролей, по отношению к которым я могла бы проявить неподчинение, поэтому мое несогласие приняло иную форму: я бросила вызов всей ситуации в целом. Этот вызов позже был расценен многими как некий героический поступок, но в то время никакого особого героизма во всем этом не ощущалось. Совсем наоборот, это был поступок очень напуганного, чувствующего себя одиноким человека, который не соответствовал определенным нормам, сомневался в своем суждении как о людях, так и о ситуации и, возможно, даже в своей ценности в качестве социального психолога и исследователя. Где-то внутри у меня засела задняя мысль о том, что мне делать, если Фил продолжит СТЭ, несмотря на мой настойчивый протест. Пошла бы ли я в высшие инстанции – к заведующему кафедрой, в деканат, в комитет по правам человека, чтобы бить тревогу? Я не могу ответить наверняка, и я рада, что до этого дело не дошло. Но, оглядываясь назад, могу сказать, что этот поступок был бы очень ярким показателем того, насколько сильно мои моральные принципы могут проявляться в реальных действиях. Когда кто-то выражает недовольство по поводу той или иной несправедливости и это недовольство приводит только к «косметическим» изменениям, в то время как ситуация остается неизменной, то подобное несогласие и неподчинение не имеет особой ценности. Что мог изменить в классическом исследовании Милгрэма тот факт, что треть участников проявили неподчинение и отказались продолжить истязание испытуемых? Предположим, это был не эксперимент, предположим, что «легенда» Милгрэма была правдой, что исследователи действительно изучали роль наказания в обучении и формировании памяти и хотели протестировать около тысячи участников во множестве экспериментов, чтобы

получить практические ответы на свои вопросы о том, какую педагогическую ценность имеет разумно применяемое наказание. Если бы вы не подчинились, отказались продолжать, получили бы свою оплату и молча ушли, ваш героический поступок не помешал бы следующим 999 участникам испытать те же страдания. Это был бы просто единичный случай без какого-либо социального воздействия, если бы за ним не последовал следующий шаг, выражающийся в протесте против всей структуры и установок этого исследования. Неподчинение со стороны отдельного человека должно выражаться в неподчинении всей системе, что ведет к изменениям в ситуации или во всей организации, а не просто в каких-то проявлениях ее деятельности. Ситуация, несущая в себе зло, может легко приспособиться к добрым намерениям диссидента или даже мятежу героев, вручив им медали за их подвиги и подарочный сертификат на то, чтобы они держали свое мнение при себе.

Для меня важным результатом тюремного эксперимента является то, чему я научилась из своего собственного опыта, и то, как это повлияло на мой последующий собственный профессиональный вклад в психологическую науку. Главное, что я имела возможность увидеть воочию, – это психологическое проявление дегуманизации: то, как легко хорошие люди под влиянием ситуации начинают воспринимать других людей как недочеловеков, животных, неполноценных, не достойных уважения и права на равенство, и относиться к ним плохо. Мой опыт в СТЭ явился толчком к тому, что я первой занялась исследованием «профессионального выгорания» – психологического риска, свойственного работе, связанной с обслуживанием людей и требующей эмоциональных затрат. Подобная деятельность зачастую приводит первоначально преданных своему делу и старательных профессионалов к грубому и бесчеловечному отношению к тем самым людям, о которых они должны заботиться. В своем исследовании я постаралась пролить свет на причины и последствия выгорания в различных рабочих ситуациях, также постаралась применять полученные выводы для практического решения этой проблемы (например, Maslach, 1976, 1982; Maslach, Jackson & Leiter, 1996; Maslach & Leiter, 1997; Schaufeli, Maslach & Marek, 1993). Я ратую за анализ причин и изменение ситуационных детерминант профессионального выгорания, что является более предпочтительным, чем сосредоточение на индивидуальных особенностях личности специалиста. Таким образом, мой вклад в СТЭ не определяется только той ролью, которую я сыграла в незапланированном прекращении эксперимента, а заключается в новом направлении исследования, на которое меня вдохновил мой личный опыт участия в этом уникальном эксперименте.

